

А. В. Войтович, Е. Ю. Кошелева

ИССЛЕДОВАНИЕ ОСНОВНЫХ АСПЕКТОВ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У ЧЛЕНОВ ЦЕНТРА ПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ «ДОМ ПОЛЬСКИЙ» В ТОМСКЕ»

Рассматривается значимость отдельных факторов самосознания (язык, религия, культура, историческая память) в поддержании польской этнической идентичности членов общественной организации «Дом Польский» в Томске в конце 2010-х гг. Основными теоретическими рамками работы выступают конструктивистский подход к теории этноса (Р. Брубейкер, В. А. Тишков) и теория исторической памяти (М. Хальбвакс). Исследуются этнические автостереотипы членов данной группы. Выявлена вариативность и ситуативность самоопределения по этническому либо политическому признаку в зависимости от контекста обстоятельств: от этнонима «поляк» до политонима «россиянин». Выявлена важность изучения/знания польского языка респондентами как одного из компонентов идентичности. Большинство респондентов знают или изучают польский язык. Религиозная принадлежность, исповедование католицизма, как выявлено, не имеет решающего значения для осознания себя поляком. Отдельно рассмотрены вопросы сохранности исторической памяти как фактора этнической идентичности. Респонденты отметили важность семейной истории и архивных материалов (писем, фотоальбомов) в передаче традиций и сопричастности к истории польского народа. Поляки Сибири приехали сюда в разное время в XIX и XX вв. В большинстве случаев это были недобровольные переселения. Исследованы вопросы интеграции поляков в российское общество. Согласно результатам исследования, большинство опрошенных считают, что поляки полноценно интегрированы в российское общество. К сожалению, иногда происходит экстраполяция действий и заявлений польских политиков на всех поляков в российском общественном сознании, что может влиять негативно на отношение россиян к этой этнической группе. Результаты интервьюирования позволяют сделать вывод, что самосознание российских поляков, имеющих (или предполагающих наличие) польских предков, амбивалентно и конструируется в зависимости от внешних факторов. Выявлена высокая значимость исторической (коллективной) памяти, которая является основным маркером идентичности российских поляков, в то время как языковой и религиозный маркеры не играют столь значимой роли.

Ключевые слова: поляки, российские поляки, Сибирь, этническая идентичность, историческая память, автостереотипы, конструктивизм, общественные организации

Проблема идентичности связана с важнейшими философскими проблемами самопознания человека, понятиями «субъект», «индивидуальность», «личность», а также с конструированием дискурсов «различия», «инаковости», «другого». Вопросы самосознания на протяжении долгого времени не сходят с повестки дня социально-гуманитарных наук. На наш взгляд, поиск личностью устойчивых мировоззренческих ориентиров становится тем более необходимым, чем более нестабильным представляется само существование и возможность самоопределения. Проблема идентичности активно разрабатывается в настоящее время В. А. Ядовым, Е. Г. Трубиной, С. И. Емельяновой, М. В. Заковоротной, М. Н. Губогло и др. В своей работе мы придерживаемся конструктивистского подхода к теории этноса, яркими представителями которого являются Б. Андерсон, Э. Геллнер, Э. Хобсбаум, Р. Брубейкер, В. А. Тишков.

Всплеск интереса к генеалогии и повсеместное создание национально-культурных организаций в начале 1990-х гг. (в т.ч. Томской региональной общественной организации «Центр польской культуры “Дом Польский” в Томске») был обусловлен не только тем, что исчезла необходимость скрывать те или иные факты биографии предков, но и тем, что произошло «разрушение самоидентификации личности в качестве “советского человека”; ценности и нормы, определявшие процесс самоидентификации личности, неожиданно изменили значение, а общепринятые цели деятельности оказались лишенными смысла» (Евгеньева, Селезнева, 2013: 161). Это хайдеггеровское «возвращение к себе», поиск новой или актуализация имевшейся этнической идентичности, существовавшей в маргинальной или полумаргинальной форме, невозможны без исторической памяти. Вслед за Л. П. Репиной, развивающей теорию исторической памяти Мориса Хальбвакса, под исторической памятью понимаем «сово-

купность донучных, научных, квазинаучных и внеучных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом» (Репина, 2004: 42). В последние годы интерес к исследованию исторической памяти у российских социологов, историков, социальных антропологов усилился, в частности, можно выделить работы Е. А. Протасени (Протасеня, 2016) и А. Г. Васильева (Васильев, 2015).

Тема сибирских поляков и их потомков также не обойдена вниманием историков, о чем свидетельствует ряд международных научно-практических конференций и тематических сборников, посвященных этой тематике («Поляки в Якутии» (Якутск, 1997), «Россия и Польша: историко-культурные контакты» (Якутск, 1999), «Сибирско-Польская история и современность» (Иркутск, 2000), «PoloniawRosji: historia idziendziejszy» (Москва, 2000), «Полонии в Сибири, России и в мире» (Иркутск, 2004), «Поляки в Приенисейском крае» (Абакан, 2005), «История и культура поляков Сибири» (Красноярск, 2006); «Поляки в Сибири. Поляки о Сибири» (Томск, 2012), «Проблемы российско-польской истории и культурный диалог» (Новосибирск, 2014), «Поляки в Сибири в условиях социальных катаклизмов: люди, институты, процессы, образы» (Москва, 2017), «Поляки на Алтае вчера, сегодня, завтра» (Барнаул, 2017) и др.), а также работы исследователей М. Р. Новоселова и Б. С. Шостакович: Социокультурный облик современной сибирской Полонии на примере данных анкетирования членов ПКПО «Огниво» в Иркутске (Иркутск, 1996); Участники современных сибирских полонийных организаций в ракурсе социокультурного изучения: первоначальные результаты и перспективы // Сибирская Полония: прошлое, настоящее, будущее (Томск, 1999); К постановке задач изучения сибирских полоний в историческом прошлом и настоящем (Иркутск, 2006) и др.). Настоящая работа является в некоторой степени продолжением работы В. Ю. Корневой «Томские поляки: к вопросу о самосознании и этнониме» (Корнева, 2016).

Проблема исследования состоит в выявлении значимости роли языковой, религиозной, культурной составляющих исторической (коллективной) памяти в поддержании польской этнической идентичности членов Томской региональной общественной организации «Центр польской культуры “Дом Польский” в Томске».

Целью исследования является изучение представлений членов ТРОО «ЦПК “Дом Польский” в Томске» о себе как носителях польской идентичности.

Задачи исследования:

1. Определить характер и структуру базовых компонентов этнической самоидентификации членов общественной организации «Дом Польский» в Томске.
2. Исследовать значимость каждого из выявленных компонентов в структуре идентичности изучаемой группы.

Использованы следующие теоретико-методологические концепты: этническая идентичность, историческая память, коллективная память, культурная память.

Эмпирические данные были получены антропологическими методами полуструктурированного интервью нарративного типа и включенного наблюдения. Для проведения интервью был разработан гайд.

Адресной аудиторией исследования стали 14 членов ТРОО «ЦПК “Дом Польский” в Томске» (6 мужчин и 8 женщин) в 2017–2019 гг. Возраст интервьюируемых: от 23 до 31 г. – 4 чел., 38–44 лет – 6 чел., старше 50 лет – 4 чел. Образование: высшее – 13 чел., среднее – 1 человек (на момент исследования количество активных членов ТРОО «ЦПК “Дом Польский” в Томске» составляло около 50 человек).

Вопросы разделены на три тематических блока: самоидентичность (вопросы 1–8), поляки в российском обществе (вопросы 9–14), Россия и Польша (вопросы 15–20). Блоки объединяются проблемами, связанными с темой исследования? – самосознанием и исторической памятью.

Первый блок связан с этнической самоидентичностью (русский, поляк, другой вариант). Можно предположить существование «внешнего», в какой-то степени «официального» статуса (графа «национальность» в анкетах советского периода, ответы при проведении переписи населения и т. п.) и «внутреннего» статуса, которые характеризуют разную степень осознания собственной идентичности, в том числе с точки зрения социума. Так, двое молодых респондентов (мужчины 26 и 29 лет) ответили, что в большей мере ощущают себя поляками, однако лишь один из них дал такой же ответ при переписи населения. В то же время один из респондентов (мужчина 50 лет) указал в переписи национальность «поляк», тогда как по самоощущению он россиянин.

Следует отметить, что ответ «россиянин», использованный частью респондентов (при наличии варианта ответа «русский») в вопросе о самоощущении, представляется симптоматичным, притом что в вопросе об указанной в переписи национальности обычно выбирается вариант «русский». А во втором случае (при переписи) слова «русский» и «россиянин» респондентами воспринимаются как синонимы (более того, в одном комментарии сообщается, что «при переписи указала “русская”, но в большей степени считаю это гражданством, нежели национальностью»), и потому информанты не видят необходимости вводить дополнительный термин, тогда как для самоощущения эти термины различны.

В обоих случаях, по нашему мнению, понимание респондентами этничности близко к концепции, согласно которой этнос – это исторически сложившаяся совокупность людей с общими стабильными особенностями культуры и психики, осознающих свое единство и отличие от других совокупностей. К числу особенностей культуры и психики следует отнести и историческую память как «важнейшую составляющую самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом, ибо разделение оживляемых образов исторического прошлого является таким типом памяти, который имеет особенное значение для конституирования и интеграции социальных групп в настоящем» (История и память..., 2006: 25). На исторической памяти основан выбор термина «россиянин» для выражения самоощущения наших респондентов. Этот термин подразумевает особенность нашего респондента – потомка представителей иного этноса (поляков), выросшего в русской языковой и бытовой среде, для которого происхождение предков является самоценным фактом, не позволяющим безоговорочно признать себя русским. Один из комментариев к вопросу о самоощущении содержит уточнение: «россиянин с польским корнями», т. е. здесь увеличена дистанция, заложенная в слове «россиянин» (очевидно, эта дистанция еще более отражена в ответе «сибиряк», данном одним из респондентов в обоих вопросах). Среди ответов есть признание «не чувствую себя полноценным представителем какой-либо нации», что, на наш взгляд, также является крайним отражением смешанной идентичности томских (сибирских, российских) поляков.

Итак, респондентами являются потомки поляков. Две трети респондентов знают, когда и кто из их польских предков оказались на территории современной Томской области или в Сибири/России в целом. Согласно ответам, это ссыльные разных периодов: участники восстания 1863 г., переселенцы по столыпинской реформе, депортированные сюда в 1930-х – 1940-х гг. граждане СССР. Большинство респондентов указали, что эти знания основаны не на документах, а на семейных легендах.

Не ставя под сомнение их ответы, мы тем не менее должны указать, что «одно из направлений, по которому происходит процесс поиска новой идентичности, представляет собой обращение к неким “высшим” ценностям..., которые могут быть найдены в “героическом” прошлом отдельной личности, группы или нации, которое обычно предстает в упрощенном, стереотипизированном виде» (Евгеньева, Селезнева, 2013: 161). В этом отношении польский стереотип занимает особое место.

По мнению опрошенных, в российском массовом сознании существует устойчивый польский образ: сосланный в Сибирь гордый шляхтич-повстанец и прекрасная полька. (Если

образ поляка-мужчины все же двойственен и вторым стереотипом является «спесивый пан», то польские женские образы безусловны. Одним из примеров может служить документальный фильм «Польские красавицы. Кино с акцентом» телеканала «ТВ Центр», посвященный польским актрисам, которые имели успех в СССР. «Их имена звучали как музыка», – сообщает закадровый голос С. Чонишвили. Однако, возможно, это не столько комплимент собственно актрисам, тем более не польскому языку, сколько отражение образа польских женщин в отечественном общественном сознании.) Этот стереотип импонирует томским полякам, независимо от сословной принадлежности и причин появления в Сибири их предков.

Представление респондентов о поляках не ограничивается указанными выше образами, а дополняется уверенностью половины опрошенных в положительных чертах польского менталитета (респонденты не делают разницы между жителями Польши и потомками поляков, «людьми польского происхождения»). Комментарии к ответам содержат утверждения об их организованности, трудолюбии, вежливости, ответственности в вопросах воспитания детей. Однако другая половина опрошенных отрицает какое-либо влияние польских корней на свое мировоззрение или практики повседневности.

Язык, являющийся основой этнической классификации, для потомков переселенцев в третьем-четвертом поколении, разумеется, не может являться главным фактором идентичности, однако 13 опрошенных целенаправленно изучают/знают польский язык и считают желательным владение им человеком, относящим себя к полякам.

Традиционное для поляков католическое вероисповедание не является, согласно опросу, необходимым или предпочтительным фактором для польской самоидентичности в России. Все респонденты отметили, что поляки не обязаны быть католиками, и лишь двое посещают костел. Согласно данным проведенного опроса, можно сделать предположение, что Рождество и Пасха, отмечаемые тремя четвертями опрошенных (причем Пасха по католическому календарю), не являются сугубо религиозными праздниками (не случайно они отмечены и как праздники, и как польские обычаи), а выступают в качестве элементов исторической памяти, связывающих респондентов с культурой предков.

Из светских польских праздников, которые отмечают респонденты, были названы День независимости и День Конституции (3 мая). (Один респондент ответил, что он именно *отмечает* эти праздники, названия которых в анкете написаны им по-польски. В этот ряд он ставит и не являющуюся праздником годовщину Варшавского восстания 1944 г., видимо, подразумеваемая особое отношение, связанное с концептом «*отмечать* [памятный день]»). В качестве польских обычаев, кроме Рождества и Пасхи, упомянуты польская кухня и *Łustyczwartek* («жирный четверг», последний четверг перед Великим постом; обильный ужин с мясом – авт.). Эта сторона этнической идентификации – национальные бытовые особенности – в урбанистических условиях XXI в. практически вытеснены и заменены элементами массовой культуры.

Второй блок вопросов направлен на выявление представлений респондентов о степени интеграции/ассимиляции сибирских поляков в российское общество и об отсутствии/наличии в российском обществе особого отношения к полякам. Постановка этого вопроса предполагает идентификацию и самоидентификацию поляков в обществе (что не всегда совпадает), связанных с исторической памятью обеих (польской и российской) сторон.

Две трети опрошенных считают, что российские поляки полностью интегрированы в российское общество и уверены в том, что это нормальное явление. По их мнению, полной интеграции и ассимиляции поляков способствует факт рождения в России, исторический процесс, общность славянских языков, истории, культуры и т. п. Лишь один респондент считает ассимиляцию потомков поляков проблемой, требующей активных действий. Другой, напротив, уверен, что такая ассимиляция труднодостижима в нынешних условиях, так как ей препятствует «разница менталитетов, национальные стереотипы и напряжение между Россией

и Польшей, которое создают власть имущие структуры и СМИ с обеих сторон в равной степени». Один из респондентов, считающий ассимиляцию нормальным явлением, также указал на то, что разность менталитетов препятствует полной ассимиляции. Три четверти считают, что возможна полная ассимиляция поляков, некоторые из опрошенных уверены, что она уже состоялась. Комментарий одного из респондентов выглядит как итог: «Поляки уже почти полностью ассимилированы. Современные российские поляки – это сообщество потомков поляков, лишенных непосредственной социальной, бытовой, культурной связи с Польшей. В России уже нет общих мест проживания поляков, ослабевают и родственные связи между поляками. Нет польских браков. Не говорят на польском языке в семье»; «Не интересуются культурой и историей Польши», – добавляет другой респондент. Этот ответ перекликается с вопросом самоидентификации. Таким образом, главное, а в ряде случаев единственное обоснование для самоидентичности наших респондентов – происхождение предков. Мнение респондентов согласуется и с результатами Всероссийской переписи населения 2010 г. (Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.), согласно которой поляками в Томской области назвали себя 750 человек, или 0,07 % от опрошенных. В 2002 г. эти показатели составляли 1 307 чел. (0,12 %), в 1989 г. – 1 732 чел. (0,17 %), и в 1959 г. – 3 065 чел. (0,41 % от опрошенных), что значительно ниже количества потомков поляков в регионе. Авторы не располагают более поздними сведениями.

Переходом к третьему блоку служат вопросы о наличии/отсутствии особенного отношения других российских этносов к российским полякам. Несмотря на разнесение объектов вопроса (российские поляки и поляки – граждане Польши), избежать смешения не удалось.

Девять опрошенных ответили, что особого отношения нет, а пятеро утверждают обратное, причем четверо из них указывают на «не очень хорошее отношение», связывая с «историческими и политическими событиями, санкциями, размещением баз НАТО, разрушением солдатских захоронений, непониманием того, что политики и польский народ – не одно и то же». При этом девять респондентов отрицают негативное отношение к российским полякам, а те, кто признает его наличие, уточняют нераспространенность этого явления, хотя и выносят суждение на собственном опыте.

Один респондент считает, что существует позитивное отношение к полякам, «подобное белой зависти: абсолютно все рады “обнаружить” среди предков шляхтича или красавицу-польку; ...есть сочувствие как к народу, попавшему в Сибирь не по своей воле». Шестеро респондентов указали на то, что сталкивались с положительным отношением к полякам и их потомкам, прежде всего было «много сочувствующих в дни катастрофы самолета под Смоленском», а также «здоровое любопытство, интерес».

Вопросы третьего блока наиболее тесно связаны с исторической памятью. Здесь рассматриваются важные, с точки зрения респондентов, события польской истории, а также представления респондентов о современной Польше и российско-польских отношениях. Примечательно, что ответы на вопросы о важнейших исторических событиях польской истории, российско-польских отношений и событиях в жизни российских поляков в основном фигурируют одни и те же факты.

Так, к наиболее важным историческим событиям респонденты отнесли Варшавское восстание 1944 г., восстания XVIII–XIX вв., фашистскую оккупацию Польши. Более подробно история Польши освещена в ответах на вопрос о наиболее важных событиях российско-польских отношений. К таковым событиям большинство респондентов отнесли авиакатастрофу под Смоленском 2010 г., разделы Польши 1772–1795 гг., Вторую мировую и Великую Отечественную войну, репрессии против поляков в период сталинизма, в том числе Катынь, как их конкретное воплощение (в анкете встретилось написание *Хатынь*, что свидетельствует о путанице и пробелах в историческом сознании россиян). Следует отметить, что авиакатастрофа и репрессии 1930-х гг. указаны большинством респондентов в качестве важнейших со-

бытий в жизни российских поляков. Дважды упоминались образование, существование и упразднение ПНР, а также сыгравшие важную роль в жизни многих россиян «челночные» торговые поездки за товарами в Польшу в 1990-х гг. По одному разу были названы столыпинская реформа, революция, гражданская война, предвоенное переселение поляков, движение «Солидарность», провозглашение независимости Польши в 1918 г. (встретилась дата 11 ноября 1917 г.), создание Организации Варшавского договора, включение Польши в состав Российской империи, 1 и 17 сентября 1939 г. (даты нападения на Польшу Германии и СССР соответственно), события в Познани 1956 г., а также «события советской эпохи и советский период, который важно постараться осмыслить и для России, и для Польши», и «то, что способствует ухудшению [отношений] – переписывание истории, уклон на Запад» (ответ сопровождается комментарием: «Столько наших солдат за их свободу погибло, и мы же – оккупанты!!!»).

В жизни российских поляков есть и другие важные события, как то: «возможность возвращения в Польшу и получения Карты поляка» (специального документа, дающего определенные льготы при получении визы и пребывании в Польше), «открытие польских сообществ на территории России», «непосредственное общение с поляками», в том числе на разнообразных культурных фестивалях.

Завершают третий блок вопросы о Польше глазами потомков поляков. Девять респондентов указали, что интересуются политической, экономической, социокультурной ситуацией в Польше, но не ищут информацию специально; пятеро ищут целенаправленно (один с пометкой «редко»); один ответил «постоянно читаю художественную и историческую литературу на польском языке». На формирование представления о Польше влияют российские СМИ, рассказы побывавших/проживающих в Польше друзей и знакомых, посещение Польши и общение с поляками.

Современная Польша большинству респондентов ожидаемо представляется в позитивном свете («экономически более развитой, чем Россия», «вполне безопасной, культурной, комфортной для жизни», «современной европейской демократической католической страной с высоким уровнем жизни и прекрасной архитектурой»). Лишь двое респондентов рисуют менее оптимистичный образ («страна с излишне сильной ролью церкви и политикой, ущемляющей права женщин [в частности], законы об абортах» и «нация, переполненная комплексами вкупе с завышенной самооценкой; страна, отстающая в экономическом развитии от Запада, не готовая безоговорочно принять ВСЕ западные ценности»).

О желании эмигрировать в Польшу заявили четверо респондентов: мужчины 26 и 29 лет, женщины 23 и 31 года (в том числе двое предприняли для этого определенные шаги), о нежелании – десятеро (от 38 до 56 лет).

Результаты интервьюирования позволяют сделать вывод, что самосознание российских поляков, имеющих (или предполагающих наличие) польских предков, амбивалентно. Это проявляется на разных уровнях: «официальном» (при заполнении графы «национальность» в анкетах советского периода, ответах при проведении переписи населения) и «неофициальном». Большинство опрошенных на официальном уровне называют себя русскими или россиянами. Это можно объяснить тем, что «в России проще быть русским» и тем, что политоним «россиянин» отражает принадлежность к гражданству РФ и не подчеркивает этническую принадлежность. Нельзя исключать и того, что он отражает степень интеграции поляков в российское общество, которая высока, и, видимо, правильнее говорить об ассимиляции.

Настоящее исследование показывает, что основную часть социальной группы, которую можно назвать томскими поляками (потомками этнических поляков, прибывших в Сибирь два-четыре поколения назад), составляют поляки, ассимилировавшиеся с русскими, т. е. люди, чья социализация состоялась в русской культурно-символической и языковой среде. Между тем мы считаем самоназвание, даже на неофициальном уровне, одним из важнейших составляющих исторической памяти, в некотором роде ее краеугольным камнем. Амбивалентность

проявляется здесь в осознании респондентами себя одновременно как русскими, так и нерусскими, т. е. жителями России, имеющими какие-либо отличные от русских черты мировоззрения или образа жизни. В этом случае отличие русского от российского поляка, т. е. «россиянина с польскими корнями», заключается в том, что последний может (но не обязан) ходить в костел, изучать польский язык из побуждений исторической памяти, испытывать интерес к истории и культуре Польши. Амбивалентность проявляется и при обсуждении вопросов, связанных с историей Польши, поляков, советско-польских и российско-польских отношений. Как упоминалось выше, политическая социализация детерминирует интерпретацию тех или иных событий, но ощущение некой причастности к этим событиям вносит определенные коррективы. Отсюда и более болезненное отношение к политически обусловленным проблемам отношений России и Польши, когда российский поляк вынужден соединять две (зачастую противоречивые) точки зрения.

Таким образом, для российских (сибирских, томских) поляков ведущим основанием для самоидентичности является фактор происхождения, т. е. семейной истории, исторической памяти, поскольку языковые и бытовые отличия от русских практически отсутствуют, а традиционная религиозная принадлежность (католичество) не является обязательной. Несмотря на ассимиляцию, они сохраняют ощущение своего отличия, которое проявляется в календарной разнице праздников, памятных дат, в разговорах на историко-политические темы.

Литература:

- Арнаутова Ю. А.** Культура воспоминания и история памяти // История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени. М.: Кругъ, 2006. С. 47–55.
- Бромлей Ю. В.** Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 418 с.
- Васильев А. Г.** Культурная память/забвение и национальная идентичность: теоретические основания анализа // Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке / отв. ред. Н. А. Кочеляева. М.: Совпадение, 2015. С. 29–57.
- Диаспоры в историческом времени и пространстве:** национальная ситуация в Восточной Сибири. Иркутск: Изд-во Иркутск. гос. ун-та, 1994. 201 с.
- Евгеньева Т. В., Селезнева А. В.** Политические представления в контексте исторической памяти: обращение к прошлому в ситуации кризиса идентичности // Известия Тульского гос. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Вып. № 3. С. 158–167.
- История и культура поляков Сибири** / сост. С. В. Леончик. Красноярск, 2006. 132 с.
- Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года** в отношении демографических и социально-экономических характеристик отдельных национальностей. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results2.html (дата обращения: 20.06.2021).
- Корнева В. Ю.** Томские поляки: к вопросу о самосознании и этнониме // Rocznik Instytutu Polsko-Rosyjskiego (Ежегодник Русско-польского института). 2016. № 1(9). С. 5–12.
- Новоселова М. Р., Шостакович Б. С.** Социокультурный облик современной сибирской Полонии на примере данных анкетирования членов ПКПО «Огниво» в Иркутске // Восток и Россия: взгляд из Сибири. Иркутск, 1996. С. 374–378.
- Полонии в Сибири, в России и в мире:** проблемы изучения. Иркутск: ООО «Мегапринт», 2006. 194 с.
- Поляки в Сибири.** Поляки о Сибири / отв. ред. Т. В. Галкина, Т. А. Гончарова. Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2012. 267 с.
- Поляки в Сибири:** от повстанцев 1863 г. до современной Полонии / под ред. С. В. Леончика. Красноярск, 2014. 226 с.
- Поляки на Алтае.** Алтай в Польше (XVIII–XXI вв.): сб. науч. ст. / под ред. И. И. Никулиной, Н. Г. Павловой. Барнаул, 2013. 174 с.
- Проблемы российско-польской истории и культурный диалог.** Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2014. 576 с.
- Протасеня Е. А.** Историческая память как фактор формирования этнической идентичности // Вестник Нижегород. гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2016. Вып. 2. С. 175–180.
- Репина Л. П.** Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 33–45.

Сибирская полония: прошлое, настоящее, будущее / под ред. В. А. Ханевича. Томск, 1999. 232 с.

Сибирско-Польская история и современность: актуальные вопросы: материалы международной научной конференции (Иркутск, 11–12.09.2000). Иркутск, 2001. 365 с.

Сибирь в истории и культуре польского народа / пер. с польск. М.: НИЦ Ладомир, 2002. 568 с.

Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. Вып. № 2–3. С. 8–27.

Polonia w Rosji: historia i dzień dzisiejszy. М., 2000. 145 с.

Войтович Алексей Викторович.

Кандидат исторических наук, доцент историко-филологического факультета ТГПУ.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, 634061.

E-mail: panw@mail.ru

Кошелева Елена Юрьевна.

Кандидат исторических наук, доцент факультета исторических и политических наук ТГУ.

Томский государственный университет.

Пр. Ленина, 36, Томск, 634050.

E-mail: key7@mail.tsu.ru

Материал поступил в редакцию 27 декабря 2022 г.

A. V. Voitovich, E. Y. Kosheleva

THE MAIN ASPECTS OF ETHNIC IDENTITY AMONG THE MEMBERS OF THE "POLISH CULTURAL CENTER "POLISH HOUSE" IN TOMSK"

The article deals with the importance of individual self-perception factors (language, religion, culture, historical memory) for maintaining Polish ethnic identity among the regional public organization “Polish House” members in Tomsk in the late 2010s. The main theoretical foundations of the work are the constructivist approach of the theory of ethnos (R. Brubaker, V.A. Tishkov) and the theory of historical memory (M. Halbwaks). Ethnic autostereotypes of this group are examined. The variability and contextuality of self-determination on an ethnic or political basis depending on the context of circumstances are shown: from the ethnonym “Pole” to the politonym “Russian”. It is shown how important it is for the respondents to learn/know Polish, as it is one of the components of their identity. The majority of respondents know Polish or are learning it. As the authors noted, religious affiliation and commitment to Catholicism are not crucial for self-awareness as a Pole. The issue of preserving historical memory as a factor of ethnic identity is considered separately. The interviewees pointed out the importance of family history and archival materials (letters, photo albums) for the transmission of traditions and participation in the history of the Polish people. Poles from Siberia came here at various times in the XIX and XX centuries. In most cases, these were not voluntary resettlements. The authors studied the issues of the integration of Poles into Russian society. According to the study results, most respondents believe that Poles are fully integrated into Russian society. But, unfortunately, the Russian public sometimes extrapolates the actions and statements of Polish politicians to all Poles, which can have a negative impact on the attitude of Russians toward this ethnic group. The survey results show that the self-confidence of Russian Poles who have Polish ancestors (or suspect that they have Polish ancestors) is ambivalent and depends on external factors. Furthermore, they show the great importance of historical (collective) memory, which is the most important marker of the identity of Russian Poles, while linguistic and religious markers do not play such an important role.

Keywords: Poles, Russian Poles, Siberia, ethnic identity, historical memory, autostereotypes, constructivism, public organizations

References:

Arnautova Yu. A. Kul'tura vospominaniya i istoriya pamyati [The culture of remembrance and the history of memory] // History and memory: the historical culture of Europe before the beginning of the New Age. Moscow, 2006. P. 47–55 (in Russian).

Bromley Yu. V. Ocherki teorii etnosa [Essays on the theory of ethnos]. Moscow: Nauka, 1983. 418 p. (in Russian).

- Vasiliev A. G.** Kul'turnaya pamyat'/zabvenie i nacional'naya identichnost': teoreticheskie osnovaniya analiza [Cultural memory/oblivion and national identity: theoretical foundations of analysis] // Cultural memory in the context of the formation of Russia's national identity in the XXI century. Moscow, 2015. P. 29–57 (in Russian).
- Diaspory v istoricheskom vremeni i prostranstve:** nacional'naya situatsiya v Vostochnoj Sibiri [Diasporas in historical time and space: the national situation in Eastern Siberia]. Irkutsk: Publishing house of Irkutsk state. university, 1994. 201 p. (in Russian).
- Evgenyeva T. V.** Politicheskie predstavleniya v kontekste istoricheskoy pamyati: obrashchenie k proshlomu v situatsii krizisa identichnosti [Political representations in the context of historical memory: turning to the past in an identity crisis situation] // News of the Tula State University. 2013. No. 3. P. 158–167 (in Russian).
- Istoriya i kul'tura polyakov Sibiri** [History and culture of the Poles of Siberia]. Krasnoyarsk, 2006. 132 p. (in Russian).
- Itogi Vserossijskoj perepisi naseleniya 2010 goda** v otnoshenii demograficheskikh i social'no-ekonomicheskikh harakteristik otdel'nykh nacional'nostej [The results of the All-Russian population census of 2010 in relation to demographic and socio-economic characteristics of individual nationalities] // Federal State Statistics Service [Electronic resource]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results2.html (Date of access: 06/20/2021) (in Russian).
- Korneva V. Yu.** Tomskie polyaki: k voprosu o samosoznanii i etnonime [Tomsk Poles: on the issue of self-consciousness and ethnonym] // Rocznik Instytutu Polsko-Rosyjskiego (Yearbook of the Russian-Polish Institute). 2016. No 1(9). P. 5–12 (in Russian).
- Novoselova M. R.** Sociokul'turnyj oblik sovremennoj sibirskoj Polonii na primere dannykh anketirovaniya chlenov PKPO «Ognivo» v Irkutske [Sociocultural image of modern Siberian Polonia on the example of data from a survey of members of Polish cultural organization 'Ognivo' in Irkutsk] // East and Russia: a view from Siberia. Irkutsk, 1996. P. 374–378 (in Russian).
- Polonii v Sibiri, v Rossii i v mire:** problemy izucheniya [Polonia in Siberia, in Russia and in the world: problems of study]. Irkutsk, 2006. 194 p. (in Russian).
- Polyaki v Sibiri.** Polyaki o Sibiri [Poles in Siberia. Poles about Siberia]. - Tomsk: Publishing House of the Tomsk State Pedagogical University, 2012. 267 p. (in Russian).
- Polyaki v Sibiri:** ot povstancov 1863 g. do sovremennoj Polonii [Poles in Siberia: from the rebels of 1863 to modern Polonia]. Krasnoyarsk, 2014. 226 p. (in Russian).
- Polyaki na Altae.** Altaj v Pol'she (XVIII – XXI vv.) [Poles in Altai. Altai in Poland (XVIII–XXI centuries)]. Barnaul, 2013. 174 p. (in Russian).
- Problemy rossijsko-pol'skoj istorii i kul'turnyj dialog** [Problems of Russian-Polish history and cultural dialogue]. Novosibirsk: Institute of History of Siberian branch of RAS, 2014. 576 p. (in Russian).
- Protasenya E. A.** Istoricheskaya pamyat' kak faktor formirovaniya etnicheskoy identichnosti [Historical memory as a factor in the formation of ethnic identity] // Bulletin of the Nizhny Novgorod State University. 2016. Issue. 2. P. 175–180 (in Russian).
- Repina L. P.** Istoricheskaya pamyat' i sovremennaya istoriografiya [Historical memory and modern historiography] // New and contemporary history. 2004. No 5. P. 33–45 (in Russian).
- Sibirskaya poloniya:** proshloe, nastoyashchee, budushchee [Siberian Polonium: past, present, future]. Tomsk, 1999. 232 p. (in Russian).
- Sibirsko-Pol'skaya istoriya i sovremennost':** aktual'nye voprosy [Siberian-Polish history and modernity: topical issues]. Irkutsk, 2001. 365 p. (in Russian).
- Sibir' v istorii i kul'ture pol'skogo naroda** [Siberia in the history and culture of the Polish people]. Moscow, 2002. 568 p. (in Russian).
- Halbvaks M.** Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' [Collective and historical memory] // Emergency reserve. 2005. Issue No 2–3. P. 8–27 (in Russian).
- Polonia w Rosji:** historia i dzień dzisiejszy. Moscow, 2000. 145 p. (in Polish).

Voitovich Aleksey Victorovich.

Ph.D. in History, associate professor.

Tomsk State Pedagogical University.

Kievskaya Str., 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: panw@mail.ru

Kosheleva Elena Yurievna,

Ph.D. in History, associate professor of faculty of Historical and Political Studies, TSU.

Tomsk State University.

Lenin Str., 36, Tomsk, Russia, 634050.

E-mail: key7@mail.tsu.ru